

УДК: 82.161.1:82.091

ВЕНЕЦИАНСКИЙ ТЕКСТ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ПРОДОЛЖЕНИЕ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРАДИЦИИ

Ольга Владимировна Соболева

старший преподаватель кафедры иностранных языков,
лингвистики и межкультурной коммуникации

Пермский государственный технический университет

614000, Пермь, Комсомольский пр., 29. olga.v.soboleva@gmail.com

Статья посвящена проблеме влияния литературной традиции описания Венеции на современный венецианский текст. Сопоставление венецианской темы в творчестве современных авторов с ее реализацией в литературе XVIII-XX вв. позволило сделать вывод о том, что произведения последних лет во многом ориентируются на сложившуюся традицию. Это выражается в сохранении основных констант венецианского текста, в наличии разнообразных интертекстуальных элементов (цитат, аллюзий). Вместе с тем современные авторы вступают в творческую полемику со своими предшественниками. Этим объясняются такие особенности современного венецианского текста, как смена времени года, перемещение смысловой доминанты из центра города на периферию, сопоставление литературной и реальной Венеции, детализация и изменение стилистического регистра описаний.

Ключевые слова: русская литература; современная литература; интертекстуальность; локальный текст; венецианский текст.

Изучение «городских текстов» русской литературы стало сегодня значимым направлением как собственно литературоведческих, так и междисциплинарных исследований. За последние 25 лет, которые прошли со времени публикации основополагающей в этом направлении работы В.Н.Топорова «Петербург и "Петербургский текст русской литературы"», в отечественной науке разработаны соответствующий понятийный аппарат и методика анализа текстовых образований, связанных с городским пространством. Эффективными инструментами анализа стали понятия *сверхтекста* (Н.А.Купина и Г.В.Битенская), *гео-этнической панорамы* (В.Н.Топоров), *локального текста* (В.В.Абашев).

Интерес российских и зарубежных исследователей – Н.Е.Меднис, Т.В.Цивьян, П.Деотто, А.Флакера, С.Гардзонио и других – вызывает и венецианский текст русской литературы, однако в поле зрения ученых обычно попадают произведения, написанные не позже первой половины 1990-х гг. Обширный пласт *современной* литературной венецианы еще не был систематизирован и не становился предметом научного описания. Наши выводы строятся на основании анализа 96 произведений отечественной литературы, как

поэтических, так и прозаических, созданных в период с 1996 по 2009 гг.

Значительная часть современных произведений, в которых встречается развернутое описание Венеции или упоминается этот город, соотносится со сложившейся литературной традицией: в чем-то продолжает ее, в чем-то отталкивается от нее в попытке создать новое – но не принципиально новое, а контрастирующее с уже существующим.

В чем выражается продолжение традиции? Во-первых, в сохранении основных текстовых констант, на протяжении XVIII-XX вв. используемых в русской литературе при описании Венеции («сигнатур города» – в терминологии, принятой в работах Т.В.Цивьян, или «субстратных элементов» – в терминологии, принятой в трудах В.Н.Топорова). Во-вторых, в наличии разнообразных интертекстуальных элементов (атрибутированных и неатрибутированных цитат, аллюзий), объединяющих произведения современной венецианы с предшествующим текстом.

Анализ современных произведений позволяет нам утверждать, что в них сохраняется традиционная для русской литературы цветовая гамма, уже на протяжении нескольких веков присущая

описаниям Венеции: это вариации на тему черного, золотого, красного, зеленого, голубого цветов (см., например, фрагмент повести Д.Рубиной «Высокая вода венецианцев»: «И пошла на цвет этого праздника вдоль витрин с горячей ослепляющей лавиной цветного венецианского стекла, вдоль переливов пурпурно-золотого, лазурного, кипяще-алого, янтарно-изумрудного» [Рубина 2004: 190]). Цветовое решение венецианских описаний в большинстве произведений настолько привычно, что диссонансом звучит на их фоне строчка Е.Рейна из стихотворения «Контора»: «Венеция цвела сиреневым, что Врубель» [Рейн 1997: 17]. С одной стороны, мы, казалось бы, признаем право автора на индивидуальное восприятие, но с другой – цвет настолько «не венецианский», что фраза производит впечатление фальшиво взятой ноты.

Интересна судьба сигнатур города в современной литературе (основные традиционные сигнатуры Венеции перечислены в работе Т.В.Цивьян [Цивьян 2001]). Иногда автор, используя их стандартный набор, уже сотни раз опробованный писателями предшествующих эпох, все же вносит в свое произведение определенную новизну, а порой пользуется ими как устоявшимися клише, как сигналами, которые автоматически, без дополнительных усилий с его стороны создадут у читателя образ города. Такой прием получает сейчас распространение в массовой литературе. Дело в том, что характерные черты Венеции хорошо знакомы широкому кругу читателей (стандартную формулу венецианского текста «вода + гондола + баркарола» в том или ином варианте назовет, пожалуй, любой, кого спросят, что такое Венеция). К тому же Венеция не только *узнаваемый* образ, но и образ (для среднестатистического читателя) безусловно *положительный*. Следовательно, его использование в массовом искусстве привлечет внимание аудитории, вызовет у нее ожидаемую реакцию. Сейчас и в западной, и в отечественной культуре происходят схожие процессы: традиционный набор венецианских сигнатур переходит из области элитарного в область массового, тиражируется с коммерческой целью.

Конечно, в России, в отличие от Запада, процесс «освоения» Венеции массовой культурой только начинается (что объясняется внешними причинами, сравнительно недавними изменениями политической, экономической, социальной ситуации в стране). Если переложить классический мотив «смерти в Венеции» на язык массовой культуры, получится популярный сегодня жанр детектива. В современной западной литературе существуют уже целые серии детек-

тивов, объединенных венецианской темой (например, в известной серии романов Донны Леон о комиссаре Гвидо Брунетти уже 16 книг – и ожидается продолжение), у нас же пока это отдельные попытки, но тенденция налицо.

Обращается к образу Венеции и другой жанр современной массовой литературы – женский любовный роман. Нагромождение венецианских сигнатур мы наблюдаем, например, в «Путешествии с Казановой» Елены Крюковой: «Она снова будет в своей милой Венеции! Она видит родные каналы... мосты... слышит баркаролы... <...> – Я вижу, как сам Святой Марк летит из туч прямо к нам, слетает!.. Крылья за его спиной! Нимб над его головою!» [Крюкова 2009: 220]. Появилось и фантастическое «венецианское» произведение – роман Бориса Тараканова и Антона Федорова «Колесо в заброшенном парке» [Тараканов, Федоров 2004], герои которого совершают перемещение во времени и попадают в Венецию XVIII века.

Однако многие современные авторы не механически используют, а творчески переосмысливают традиционные сигнатуры. Приведем лишь один пример. По-прежнему значимыми в современном венецианском тексте являются мотивы зеркальности, двойничества. Казалось бы, современным авторам сложно привнести что-то новое в конкретное воплощение этих мотивов, однако это удается сделать Дине Рубиной в произведении «Высокая вода венецианцев».

Взаимодействие с традицией проявляется и в наличии интертекстуальных элементов, связывающих произведения современной венецианки с литературной традицией. Нужно отметить, что сам способ включения этих элементов в произведение говорит о том, что предшествующий текст воспринимается современными авторами как общеизвестный. Атрибутированных цитат в произведениях практически нет (исключение – эпиграфы). Основную же массу составляют неатрибутированные (порой не заключенные в кавычки) цитаты и аллюзии. Приведем лишь несколько примеров:

Рябь какого-то канала
из немытого окна
и *возвратного прилива*
набежавшая волна
[Дозморов 2002: 15]

Нет! Всё, что есть, что было, — живо!
Мечты, виденья, думы — прочь!
Волна возвратного прилива
Бросает в бархатную ночь!
[Блок 1962: 114]

...ароматные пары, растворяющиеся над лагуной, над каналами и площадями *«размокшей баранки»*

[Иличевский 2008: 102]

Размокшей каменной баранкой

В воде Венеция плыла.

[Пастернак 1989: 56]

Особую группу интертекстуальных элементов современной венецианы представляют собой цитаты из произведений Бродского и аллюзии, связанные с ними. Это плодотворная для изучения тема, которая требует отдельного исследования, поэтому мы не касаемся этого аспекта в рамках данной статьи.

Необходимо отметить, что хорошее знание литературной традиции сегодня заставляет авторов не только следовать ей, но и в чем-то оттолкнуться от нее и рассказать о Венеции по-своему. В ряде современных произведений мы встречаем явную полемику с предшествующим венецианским текстом. По контрасту с типичным для русской лирики заглавием «Венеция» Ольга Мартынова называет свои стихотворения «Не о Венеции» и «Не о Венеции (2)». Алексей Пурин в стихотворении «Венеция» опровергает сложившиеся стереотипы восприятия и описания города (такие, как мотивы любви и смерти; маска, театральность; постепенное погружение города под воду).

«Свой» город, темный, пустынный, противопоставляется шаблонному парадному и в стихотворении Игоря Стратановского «И вот Венеция...».

Проанализировав произведения современных авторов, мы можем обозначить целый ряд признаков, которые свидетельствуют о стремлении преодолеть традицию предшествующей литературной венецианы:

- смена времени года (традиционные летние описания замещаются осенне-зимними);
- перемещение смысловой доминанты с центра города на периферию;
- сопоставление литературной и реальной Венеции, детализация описаний, появление примет не условного, а конкретного времени и конкретного пространства;
- изменение стилистического регистра при описании Венеции.

Рассмотрим эти признаки более подробно. Первое, что бросается в глаза при сопоставлении современных описаний Венеции с более ранними, – это явная смена времени года. Раньше на страницах литературных произведений город

представал преимущественно летним: ярким, солнечным, наполненным шумной праздничной толпой. В современных же текстах Венеция чаще всего описывается поздней осенью, в ноябре, иногда зимой. Приведем лишь несколько примеров: название стихотворения Игоря Вишневецкого – «Венеция в феврале»; в феврале же происходит действие в воспоминаниях Андрея Кончаловского: «Февраль. Холодно. В тумане хлюпают на воде черные гондолы» [Кончаловский 1999: 190], о зимнем городе пишут Бахыт Кенжеев и Борис Херсонский: «Зимой в Венеции туристы топ да топ...» [Кенжеев 2005: 40]; «“И новые тучи придут вслед за прежним дождем”. Екклезиаст – о зимней Венеции» [Херсонский 2009: 71]. «Поздним ноябрьским утром» идет в библиотеку Кверини, герой Глеба Смирнова [Смирнов 2003: 64]; осеннее венецианское ненастье сопровождает прогулки по городу, которые совершает героиня Дины Рубиной: «толкнула стеклянную дверь и вышла в дождь», «зябкий осенний день», «опять зарядил дождь», «закрыв ставни, наохлившаяся Венеция ежилась под ударами ветра, рассыпающего мелкий холодный дождь, как пригоршни голубинового корма» [Рубина 2004: 211-219]; «глубокой осенью» приехала в Венецию Елена Холмогорова [Холмогорова 2003: 46]; «дождливый ноябрь» упоминается в стихотворении Елены Шварц [Шварц 2009: 39] и т. д.

Смена времени года при описании Венеции неизбежно влечет за собой некоторое изменение системы постоянных мотивов: современные авторы значительно чаще, чем их предшественники, упоминают «*aqua alta*» (ит. – *высокая вода*) – венецианское наводнение. Это связано с тем, что самые сильные наводнения в Венеции происходят, как правило, на конец осени.

Другим признаком, свидетельствующим о стремлении преодолеть существующую традицию описания города, становится перемещение смысловой доминанты венецианского пространства. Смысловая доминанта предшествующего текста находилась, безусловно, в центре города, на Пьяцетте и площади святого Марка. С этим местом связывались значимые мотивы судьбы, рока, предопределенности. Площадь святого Марка выступала репрезентацией Венеции в целом. Сейчас ситуация изменилась: изображение центра города воспринимается современными авторами как некое «общее место», как повторение уже сказанного. Его хрестоматийный облик создается несколькими чертами, чтобы обозначить, что действие происходит в Венеции. Само же действие, как правило, переносится с центра на периферию, при этом актуализируются мотивы

вы лабиринта, неожиданной встречи. Размышления героев связываются с блужданием по узким улочкам. По сравнению с предшествующим текстом, в котором изображение периферии часто было основано на нескольких условных штрихах (далекие огни, каналы), в последнее время география города постепенно расширяется, детализируется, описания обрастают конкретными топонимами. Еще одной ярко выраженной смысловой доминантой, появившейся в современной венециане, является кладбище Сан-Микеле, объединяющее комплекс мотивов, связанных с Иосифом Бродским.

В ходе анализа произведений нами была отмечена еще одна интересная особенность современной венецианы: множество попыток образно переосмыслить очертания города, тот особенный изгиб, который можно увидеть только если смотреть на Венецию с большой высоты или изучать ее на карте.

Форма Венеции породила в литературе самые разные ассоциации:

– улитка, раковина: «Город сконцентрирован, сжат каналами, свернут, как раковина, повернут к Богу» [Рубина 2004: 209]; «Венеции улиточный завой» [Мартынова 2004: 15]; «Венеция – улитка» [Мартынова 2007: 5];

– рыба: «Видит ли гигантская рыба Венеции акулу Сахалина?» [Балдин 2002: 45];

– символы инь и ян: «Двусреднодышащий инь-янь» [Пурин 2000: 30];

– женское тело: «вдруг она раскрывает свои ухоженные очертания, похожая на женщину, влажно раскидывающую ноги» [Бавильский 1998: 115];

– два пожирающих друг друга чудовища: «Над картой Венеции, над пристальным планом ее, / как шмель на шиповнике, в долгое впасть забытья, / как будто два зверя друг друга хотят проглотить. <...> Мне кажется, ты меня съела. – Нет, ты меня съел. / Две пасти, две страсти, разящих друг друга клешни» [Кушнер 1999: 4].

Художественно переосмысляются и отдельные фрагменты карты. В «Венецианском детективе» К.Кобрин упоминается изящная мавританская сумочка-полумесяц [Кобрин 1998]. Рассказывая о литературной игре в своем произведении, автор поясняет, что форма сумочки его героини – коса, на которой расположен Лидо [Кобрин 2008].

Обобщая сказанное выше, еще раз охарактеризуем ситуацию, сложившуюся в современной венециане: с одной стороны, литературная традиция описания Венеции настолько сильна, что авторам сложно уйти от нее, с другой стороны, во многих текстах прослеживается стремление

действовать «от противного», преодолеть традицию и представить свое видение, контрастирующее с общепринятым канонem. При этом неизбежно формируется новый стереотип восприятия и описания города: уход от штампа оборачивается новым штампом. Прогнозируя же дальнейшую судьбу венецианского текста, мы имеем все основания предполагать, что на нее окажет неизбежное влияние юбилей И.А.Бродского, вызвавший большой резонанс в литературных и научно-исследовательских кругах: современной литературе следует ожидать новых произведений, интертекстуально связанных с венецианой Бродского.

Список литературы

Бавильский Д. Венеция. Письмо // Уральская новь. 1998. № 1. С. 115-123.

Балдин А. Поход на букву «О» // Октябрь. 2002. № 8. С. 45-49.

Блок А. Венеция // Собр. соч. в 8 т. Т. 3. М.-Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1962. С. 114.

Дозморov О. «Рябь какого-то канала...» // Арион. 2002. № 1. С. 15.

Иличевский А. Матисс. М.: Время, 2008. 444 с.

Кенжеев Б. «Зимой в Венеции...» // Кенжеев Б. «Названия нет»: Книга стихов. Алматы, 2005. С. 40.

Кобрин К. Венецианский детектив. 1998. Рукопись.

Кобрин К. Письмо от 4 мая 2008 г. Рукопись.

Кончаловский А. Моя Венеция // Кончаловский А. Возвышающий обман. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999. С. 185-191.

Крюкова Е. Путешествие с Казановой. М.: Издательская компания «Подвиг», 2009. 288 с.

Кушнер А. «Над картой Венеции...» // Новый мир. 1999. № 8. С. 4.

Мартынова О. Не о Венеции // Новый мир. 2004. № 9. С. 15.

Мартынова О. «Где на отлете мира тихий Грац...» // Звезда. 2007. № 1. С. 5.

Пастернак Б. Венеция // Пастернак Б. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1989. С. 56.

Пурин А. Венеция // Пурин А. Сентиментальное путешествие. СПб.: Urbi, 2000. 104 с.

Рейн Е. Контора // Арион. 1997. № 4. С. 17.

Рубина Д. Высокая вода венецианцев // Рубина Д. Воскресная месса в Толедо. М.: Вагриус, 2004. С. 179-234.

Смирнов Г. Я прежде знал // Вестник Европы. 2003. № 9. С. 40-64.

Стратановский С. Стихи, написанные в Италии // Знамя. 2001 № 6. С. 54.

Тараканов Б., Федоров А. Колесо в заброшенном парке. М.: Российская государственная библиотека («Пашков дом»), 2004. 400 с.

Херсонский Б. «И новые тучи придут вслед за прежним дождем...» // Херсонский Б. Мраморный лист. М.: Арго-риск, 2009. 107 с.

Холмогорова Е. Похвала верхоглядству // Знамя. 2003. № 1. С. 46-48.

Цивьян Т. В. «Золотая голубятня у воды...»: Венеция Ахматовой на фоне других русских Венеций // Цивьян Т.В. Семиотические путешествия. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. С. 40-50.

Шварц Е. Aqua alta // Знамя. 2009. № 5. С. 39.

VENETIAN TEXT IN THE MODERN RUSSIAN LITERATURE: EXTENSION AND BRIDGING THE LITERARY TRADITION

Olga.V. Soboleva

Senior Lecturer of Foreign Languages, Linguistics and Intercultural Communication Department
Perm State Technical University

The paper focuses on study of the problem of influence of the Russian literary tradition of describing Venice on the Venetian text and presents the results of the comparative analysis of the Venetian theme presented in the works of Modern Literature (1996-2009) and in the literature of the XVIII-XX centuries. The analysis allows concluding that the works written in the recent years are largely guided by the tradition which has been already formed in Russian literature. This influence manifests itself in the preservation of the fundamental constants of the Venetian text in the actualization of various intertextual elements (quotations, allusions). However, contemporary writers polemize with their predecessors: they change the seasons in the description of Venice, shift the sense dominant from the centre of Venice to its periphery; compare literary and real Venice, describe in detail Venice and change the stylistic register of the descriptions.

Key words: Russian literature; modern literature; intertextuality; local text; Venetian text.